

Глава 13

Приступ

За дверями раздавались смех и крики: группа шести-семилетних сорванцов играла в метание стрел у ворот центрального дворца. Их возгласы одобрения нарушили скорбную атмосферу внутренних покоев.

Княгиня Цзинь, вся в слезах, прижала к уголкам глаз платок и велела евнуху привести своего младшего сына.

Цинь Цзюнь невольно нахмурилась.

Драгоценная наложница Цзи прикрыла рот рукавом:

— Кхм... Я устала, пожалуй, я...

— Ваше величество, постойте! — княгиня Цзинь с глухим стуком опустилась на колени. — Ваше величество, умоляю, постойте!

Цинь Цзюнь была слегка ошеломлена.

Драгоценная наложница Цзи с сожалением покачала головой:

— Зачем ты себя так мучаешь...

Княгиня Цзинь привлекла к себе шести-семилетнего мальчика и, поставив его на колени, принялась рыдать:

— Ваше величество, наш князь уже тяжело болен... Боюсь... Это его любимый младший сын. Умоляю вас, позвольте этому ребёнку остаться в столице заложником вместо старшего брата, а я заберу наследника на юг!

Лицо Драгоценной наложницы Цзи переменялось.

Цинь Цзюнь: «...»

Наступила ночь, а Цзи Сы всё не выходила. Звуки цитры уже смолкли.

Дядюшка Ван стоял за ширмой и, понизив голос, спросил:

— Пинь-нян, это приступ? От порошка пяти минералов?

Цзи Сы крепче сжала брови, всё тело её обмякло.

— М-м.

Дядюшка Ван спросил:

— Может, принять?

Веки Цзи Сы налились свинцовой тяжестью. Она покачала головой:

— Не надо. Ступай.

Дядюшка Ван растормошил её:

— Пинь-нян, выпейте успокоительного, поспите как следует.

Глаза Цзи Сы были красными. Она взяла чашу с отваром, осушила её залпом и швырнула на пол, где та разлетелась вдребезги:

— Вон!

Дядюшка Ван:

— Понял.

Цзи Сы в полузабытьи уставилась на трещащие угли в очаге...

Внезапно с улицы донёлся взрыв ликующих криков. Служанки в усадьбе тоже пришли в восторг и, глядя на фонарики, усеявшие ночное небо, загадывали желания:

— Пусть счастливая звезда светит! Благополучия всей семье!

— Идите! Не шумите в боковом дворе! — Дядюшка Ван прогнал их.

Слуга с любопытством осведомился:

— А Пинь-нян не празднует Новый год?

Из внутренних покоев донёлся голос Цзи Сы:

— Отпусти всех. Пусть идут домой, к семьям.

Служанки переглянулись и, немного поутихшие, разошлись, радостно отправляясь домой на праздничный ужин.

Дядюшка Ван обернулся, посмотрел на дом, немного помедлил, но тоже покинул двор.

У Цзи Сы началась ломка. Всё тело будто грызли ледяные черви, она ворочалась, не в силах уснуть. Её била дрожь, голова раскалывалась от боли, подступала тошнота, а прошлое всплывало, как наваждение, обрывками снов...

Нянька била её по ладоням дисциплинарной линейкой, заставляя стоять на коленях под дождём и заучивать непристойные песенки.

— Есть три великие радости в жизни, — вела Цзи Сы матушка Фан в соседнюю комнату. — И первая из них — это свадебная ночь! Если познаешь её прелесть пораньше, в будущем меньше мук претерпишь.

Цзи Сы, ничего не понимая, позволила матушке Фан прижать себя к стене. Глаза её оказались напротив щели. Заглянув в неё, она увидела две белые обнажённые фигуры, сплетённые в движении. Тут же отвернулась, и её вырвало.

Цзи Сы поднялась, пошатываясь, и с плеском шлёпнулась в уже остывшую ванну. Она погрузилась в холодную воду с головой, пытаясь ледяной дрожью отвлечься от головной боли.

Дядюшка Ван, услышав шум, подошёл с фонарём и окликнул через окно:

— Девушка?

Цзи Сы сидела в воде, крепко сжав брови, и, чуть не задохнувшись, вынырнула на поверхность. Силы почти оставили её. Теперь она лежала, свесившись через край ванны, одна белоснежная рука безвольно свисала наружу, порозовевшая от холода. На бледной коже губы атели, как радуга, а чёрные, мокрые волосы, словно шёлк, прилипли к телу. В её усталом, отсутствующем взгляде, в самом тоне голоса сквозила неконтролируемая мольба:

— Матушка... матушка... потише, пожалуйста... Пинь-нян больше не посмеет...

За дверью Дядюшка Ван прислушался и через мгновение тяжело вздохнул.

Матушка Фан, сжав ей подбородок, влила в глотку целый пакет снадобья и швырнула в толпу мужчин. Толстый, дряблый мужчина подхватил её, усадив к себе на колени:

— Сколько тебе годиков?

Цзи Сы:

— Двенадцать по подсчёту.

Мужчина рассмеялся и стал раздеваться прямо перед ней.

Цзи Сы широко раскрыла глаза, закричала, заплакала, забилась — и её потащили за занавес.

Она отчаянно сопротивлялась и мокрой тканью задушила первого «гостя».

У Цзи Сы не спадал жар, и кошмары не отпускали её.

Дядюшка Ван отыскал у ворот служанку, разглядывавшую уличные фонари:

— Пинь-нян заболела. Сходи за лекарем.

Девушка тут же кивнула.

Глубокой ночью Сяо Таоцзы, держа фонарь, семенила впереди, торопясь.

В запретном городе было холодно, земля покрыта сырым, ледяным снегом. Барабанный бой у главных ворот лишь подчёркивал одиночество и мороз этой ночи.

— Как она заболела? — торопливо спрашивала Цинь Цзюнь, переодеваясь на ходу. — Правда, целый день ни крошки, ни глотка?

Цзиньсю, помогая ей поправить причёску и слегка изменить черты лица, чтобы стража не узнала, ответила:

— Так сказала дежурная служанка у ворот. Вдруг из бокового двора послали за лекарем, а оттуда доносились испуганные женские крики.

Цинь Цзюнь выдохнула белое облачко пара, закуталась в узел с вещами, подобрала подол и полезла в повозку:

— Лекаря нашли?

Цзиньсю, придерживая лошадь, чтобы успокоить её, ответила:

— Нет. Наверное, все разошлись по домам на праздничный ужин.

Цинь Цзюнь поскользнулась на мокрой подножке, споткнулась о подол, упала, но тут же вскочила, сунула узел в повозку — она сбежала с пиршества, ещё не закончившегося:

— Драгоценной наложнице Цзи отпросилась?

— Сказали, что принцесса устала и удалилась в свои покои отдохнуть. Принцесса, а вас точно не обнаружат? — сомневалась Сяо Таоцзы.

Лицо Цинь Цзюнь покраснело от холода:

— Обнаружат — отругают, не более. Возвращайся.

Сяо Таоцзы:

— Поняла.

— Цзиньсю, я поведу повозку, — сказала Цинь Цзюнь.

Цзиньсю кивнула и забралась в повозку, устроившись внутри.

Цинь Цзюнь не умела править лошадьми, но Сяо Таоцзы вывела экипаж на главную улицу, и лошадь тронулась вслед за впереди идущей повозкой.

Во дворце обычно запрещалось передвигаться на повозках, но в эту ночь в центральных покоях разливали вино, и некоторые дамы изрядно подвыпили. Драгоценная наложница Цзи и шестая принцесса соизволили разрешить слугам знатных семей пригнать лошадей к западным боковым воротам.

У ворот стража остановила повозку. Цзиньсю высунулась и предъявила пропуск, ответив на пару вопросов.

— По приказу принцессы выезжаем по делам.

Стража не посмела задержать экипаж из усадьбы принцессы, лишь бросила дополнительный взгляд в салон и, не увидев никого постороннего, пропустила.

Цинь Цзюнь была в одежде служанки. Выходя из повозки, она уже не успевала переодеться, лишь накинула поверх плащ и, ступив на землю, направилась к боковому двору восточного флигеля в Дворе Бамбука.

Навстречу вышел старик в сером стёганом пальто. Увидев Цинь Цзюнь, которую вела служанка из усадьбы, он внимательно оглядел её, всё понял и поклонился:

— Госпожа. Пинь-нян...

— Веди, веди, — заторопила его Цинь Цзюнь.

Дядюшка Ван немедленно развернулся и повёл её.

Цинь Цзюнь окинула взглядом тёмный двор, где в коридоре горели лишь редкие фонари:

— Почему за двором никто не смотрит?

Дядюшка Ван ответил:

— Пинь-нян любит тишину. Всех отпустили праздновать.

Цинь Цзюнь промычала что-то и чихнула:

— Как холодно.

— Прибыли.

Цзиньсю распахнула дверь. Во флигеле не горело ни одного светильника, было холодно, как в леднике. Стоило переступить порог, как нога сразу же угодила в лужу холодной воды.

— Что случилось? — спросила Цинь Цзюнь.

— Кто здесь? — из темноты донёсся настороженный голос Цзи Сы, хриплый и холодный, словно шипение змеи, притаившейся во мраке.

Цинь Цзюнь замерла, но тут же отозвалась:

— Это я. Почему не зажжён свет?

Внутри на мгновение воцарилась тишина. Голос Цзи Сы прояснился:

— Госпожа пожаловала. Позвольте рабе переодеться, чтобы прислуживать вам должным образом.

Цинь Цзюнь кивнула. Подумалось, что, кажется, дело не так плохо, и она с облегчением выдохнула:

— Я подожду в передней.

Цзи Сы:

— Поняла.

Когда остались только Дядюшка Ван и Цзи Сы, в голосе последней зазвучал ледяной холод:

— Зачем ты её позвал?

Дядюшка Ван объяснил:

— Вероятно, у госпожи есть свои осведомители в усадьбе. Я велел людям у ворот найти лекаря, и слух дошёл до её ушей.

— Лекаря? — в темноте усмехнулась Цзи Сы. — Боишься, что я умру от боли?

— Ты просто боишься, что я умру, и тебе не удастся выслужиться перед сильными мира сего, не найдёшь своих врагов, — бесстрастно заключила Цзи Сы.

Дядюшка Ван промолчал. Он знал, что в такие моменты лучше не перечить. У человека в ломке рассудок притуплен, а ярость зашкаливает, и словесные уколы — ещё самое безобидное.

Цзи Сы:

— Вон.

Дядюшка Ван:

— Понял.

— Постой.

— Да, госпожа?

Цзи Сы сказала:

— Проведи госпожу в восточный флигель.

<http://bllate.org/book/16274/1465121>